

HAL
open science

Возвращение и память (вместо введения)

Alain Blum

► **To cite this version:**

Alain Blum. Возвращение и память (вместо введения). Alain Blum et Natalia Ablazhey. Миграционные последствия Второй мировой войны: Депортации в СССР и странах восточной Европы, 3, Nauka, pp.3-11, 2015. <hal-01396788>

HAL Id: hal-01396788

<https://hal.science/hal-01396788v1>

Submitted on 20 Nov 2016

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire **HAL**, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

НОВОСИБИРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РОССИЙСКОГО, КАВКАЗСКОГО
И ЦЕНТРАЛЬНО-ЕВРОПЕЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА (ПАРИЖ)

МИГРАЦИОННЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ДЕПОРТАЦИИ В СССР И СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Сборник научных статей

В ы п у с к 3

Ответственные редакторы
доктор исторических наук *Н.Н. Аблажей*
профессор *А. Блюм*

НОВОСИБИРСК

«НАУКА»

2014

УДК 325
ББК 63.3(2)622-4
М57

Рецензенты

доктор исторических наук *В.И. Исаев*
доктор исторических наук *В.Л. Соскин*

FSH fondation
maison des
sciences
de l'homme

*Издание подготовлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (проект № 12-21-08001а(м))*

М57 **Миграционные** последствия Второй мировой войны: депортации в СССР и странах Восточной Европы: сборник научных статей. Вып. 3 / Новосибирский национальный исследовательский государственный университет; Отв. ред. Н.Н. Аблажей, А. Блюм. — Новосибирск: Наука, 2014. — 228 с.
ISBN 978-5-02-019275-1.

Данный выпуск завершает серию публикаций, реализуемых в рамках российско-французского проекта «Миграционные последствия Второй мировой войны: депортации в СССР и странах Восточной Европы», поддержанного РГНФ и фондом «Дом наук о человеке». В первой части сборника представлены статьи участников франко-российского семинара «Возвращение: освобождение спецпоселенцев, высланных из Центральной и Восточной Европы в СССР», состоявшегося в Париже в Центре исследований России, Кавказа и Центральной Европы 13–14 мая 2014 г.

Издание предназначено для специалистов в области общественных и гуманитарных дисциплин.

УДК 325
ББК 63.3(2)622-4

- © Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2014
- © Фотографии для обложки виртуального музея «Звуковые архивы. Европейская память о ГУЛАГе», 2014
- © Редакционно-издательское оформление. «Наука». Сибирская издательская фирма, 2014

ISBN 978-5-02-019275-1

ВОЗВРАЩЕНИЕ И ПАМЯТЬ (ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ)*

В коллективной памяти, литературе и работах историков главным символом сталинских репрессий служит ГУЛАГ. Хотя за последние годы исследований, посвященных депортациям, стало больше, опыт ссылки в его многообразных формах до сих пор известен и понят не так хорошо. Со времени книги А.М. Некрича¹, фактически единственной работы о депортациях, вышедшей до 1989 г., и многочисленных исследований, которые появились с тех пор², были подробно изучены политические и социальные аспекты депортаций. Стали публиковаться отдельные работы, посвященные повседневной жизни ссыльных и социализации их в тех местах, где они оказались³. Тем не менее мы все еще недостаточно знаем о возвращении из депортации — одном из важнейших и непростых этапов, которые страна прошла, чтобы закрыть страницу сталинского террора.

За последние годы появилось множество книг и статей, посвященных возвращению узников из ГУЛАГа после смерти Сталина. Об этом снимают фильмы⁴, пишут литературные произведения и исторические исследования⁵. Возвращение спецпереселенцев — гораздо более редкий сюжет.

* Перевод с французского Михаила Майзульса.

¹ Некрич А.М. Наказанные народы. Нью-Йорк: Хроника, 1978. Французское издание: Nekrich A. Les peuples punis: La déportation et le sort des minorités soviétiques à la fin de la Seconde Guerre mondiale. Paris: François Maspero, 1982.

² Назовем в первую очередь следующие работы: Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР 1930–1960. М.: Наука, 2003; Бердинских В.А. Спецпоселенцы. Политическая ссылка народов Советской России. М.: НЛЮ, 2005; Бугай Н.Ф. Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию». М.: АИРО-XX, 1995; Он же. Л. Берия — И. Сталину: «После Ваших указаний проведено следующее...» М.: Гриф и К., 2011; Красильников С.А. Серп и Молох: Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 2009; Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ, Мемориал, 2001; Viola L. The Unknown Gulag: The Lost World of Stalin's Special Settlements. Oxford; N.Y.: Oxford Univ. Press, 2007.

³ См. статью В.Ю. Башкуева в настоящем сборнике; см. также: Кустова Э. (Не)возвращение из ГУЛАГа: Жизненные траектории и интеграция послевоенных спецпереселенцев // Kritika, 2015 (в печати).

⁴ Самый известный из них — советский фильм «Холодное лето пятьдесят третьего» (1987 г.), ставший символом возвращения из ГУЛАГа.

⁵ Важнейшие работы: Elie M. Les anciens détenus du Goulag: Libérations massives, réinsertion et réhabilitation dans l'URSS poststalinienne, 1953–1964. Paris: EHESS, 2007; Dobson M. Khrushchev's Cold Summer: Gulag Re-turnees, Crime, and the Fate of Reform after Stalin. Ithaca, N.Y.: Cornell Univ. Press, 2009; Adler N. The Gulag survivor: Beyond the Soviet system. New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers, 2002.

Вот почему мы решили, что наша последняя конференция в рамках начатого в 2012 г. коллективного проекта «Миграционные последствия Второй мировой войны: депортации в СССР и странах Восточной Европы»¹ и сборник, который мы собирались выпустить по ее итогам, будут посвящены возвращению депортированных. Вошедшие в него работы в основном повествуют о возвращении тех, кто был сослан с территорий, лежавших к западу от границ СССР на 1939 г. Мы хотели собрать исследования, сфокусированные на одном ареале, чья история была отмечена экспансией СССР на запад: будь то в форме аннексий по условиям пакта Молотова–Риббентропа или советизации тех восточноевропейских стран, которые после войны вошли в советскую сферу влияния. Мы не рассматриваем здесь крестьянскую ссылку начала 1930-х гг., а также судьбу «наказанных народов», депортированных во время Второй мировой войны, но регулярно обращаемся к этим страницам истории с целью сопоставления.

Говоря о возвращении, мы не должны забывать об ожидании возвращения после смерти Сталина и, конечно, о надеждах, затеплившихся после выхода в марте 1953 г. «Указа об амнистии», который касался лишь узников ГУЛАГа, но ненадолго обнадежил и депортированных, живших в спецпоселках. Мы также исследуем дошедшие до наших дней отзвуки депортаций, доступные благодаря свидетельствам и памяти тех, кто вернулся домой, и тех, кто после того, как с них сняли статус спецпереселенцев, решил остаться на новом месте. Еще один отзвук истории депортаций — оставленные ими материальные следы, которые все еще видны сегодня.

Есть много прямых свидетелей депортаций, а еще больше тех, кто с 1940 по 1952 г. во множестве деревень, раскиданных почти по всей России и Центральной Азии, видел, как прибывали целые поезда, а иногда баржи, груженные сосланными женщинами и мужчинами. Как подчеркивают многие исследователи, лагеря ГУЛАГа размещались в отдаленной местности, крестьян в начале 1930-х гг. часто отправляли в пустынные территории, где не было ничего, и поселки приходилось строить с нуля². В отличие от них, те, кого депортировали с территорий Польши, аннексированных СССР в 1940 г., советские немцы, а потом и другие народы, высланные во время войны, и наконец контингенты, которых до 1952 г. депортировали с западных территорий, чаще всего оказывались в населенных пунктах, разбросанных вдоль Транссибирской магистрали, по берегам сибирских рек, в степях Центральной Азии или в колхозах, леспромпхозах и шахтах, затерянных в тайге. Насколько густой была

¹ Уже вышли два тома: Миграционные последствия Второй мировой войны: Депортации в СССР и странах Восточной Европы: Сб. науч. ст. / Отв. ред. Н.Н. Аблажей, А. Блюм. Новосибирск: Наука, 2012, 2013. Оба издания доступны онлайн: <http://museum.gulagmemories.eu/ru/media/consequences>.

² Э. Мондон демонстрирует это на материале фото, снятых НКВД в Архангельской области для альбома, посвященного тому, как депортированные крестьяне обживались на новом месте. Вошедшие в него кадры, конечно, были сняты с пропагандистскими целями и преподносят прибытие депортированных как пример героического освоения безлюдных северных территорий. — Модель спецпоселений // Звуковые архивы. Европейская память о ГУЛАГе. URL: <http://museum.gulagmemories.eu/ru/salle/model-spetsposelenii>.

покрывавшая СССР сеть спецпоселков, наглядно проиллюстрировано в одном из исследований¹. Житель Сибири за всю свою жизнь мог не увидеть ни одного зэка. Намного большей была вероятность, что он где-то столкнется или даже будет работать бок о бок со спецпереселенцем или что его дети пойдут учиться вместе с детьми депортированных (детей заключенных ГУЛАГа ждал детдом).

Важнейшее отличие опыта депортации от заключения в ГУЛАГе состояло в том, что в ссылку ехали целыми семьями². В ходе нескольких волн депортаций, например в 1941 г. из Литвы, Латвии и Эстонии, главу семьи (чаще всего это был мужчина) отправляли в лагерь, а его родных депортировали. Иногда всю семью — мужчин, женщин и детей — ссылали вместе. Как бы то ни было, дом сосланных оставался пустым, и их возвращение не могло пройти незамеченным. Так что многие жители западных территорий прекрасно знали, как трудно было вернуться и как часто отнятые и не возвращенные дома, скот и другое имущество становились причиной конфликтов, порой оборачивавшихся насилием. Реинтеграция целых семей, вернувшихся туда, где они раньше жили, или решивших осесть на новом месте, отличается от выхода из ГУЛАГа, когда, как правило, бывший зэк возвращался назад в одиночестве, а единственными, кто его принимал, были родственники, если они у него еще оставались. Здесь же в родственники места возвращались дети, которые родились за пределами СССР или на только что присоединенных и едва советизированных территориях, но успели поучиться в советской школе³. Возвращались дети, которые зачастую не знали о родине ничего, кроме волшебных историй, услышанных от родителей и других депортированных⁴. Наконец, возвращались молодые люди, которые сталкивались с тем, что их не считали своими, и теряли чувство солидарности, поддерживавшее их в изгнании⁵.

Работая в архивах Литвы, затем продолжая исследование на Украине и, конечно, в архивах России, мы с Эмилией Кустовой смогли оценить сложность проблем, связанных с возвращением, и богатство источников, позволяющих его изучить. Здесь особенно ценны личные дела, хранящиеся

¹ См. статью А. Блюма в наст. сб.

² О депортации из Латвии в 1949 г. (операция «Прибой») см. ст. Ж. Дени в наст. сб.

³ Об учебе в советской школе рассказывают многие бывшие депортированные, опрошенные в рамках проекта «Звуковые архивы. Европейская память о ГУЛАГе». См.: Блюм А., Кустова Э. Звуковые архивы. Европейская память о ГУЛАГе // Миграционные последствия Второй мировой войны: Этнические депортации в СССР и странах Восточной Европы. Т. 1. См., напр.: Интервью с Григорием Ковальчуком, сосланным из Украины и ставшим учителем в сибирской деревне между Иркутском и Братском (записано в Калтуке 28 августа 2009 г. Эмилией Кустовой и Ларисой Салаховой в присутствии Алена Блюма). [00:08:39–00:11:42] // Archives sonores. Mémoires européennes du Goulag. Cercec/RFI, Paris. URL: <http://museum.gulagmemories.eu/ru/salle/grigori-kovaltchouk>

⁴ Интервью с Марите Контримайте, записанное в Вильнюсе 11 июня 2011 г. Эмилией Кустовой в присутствии Алена Блюма и супруга г-жи Контримайте [00:14:06–00:20:00] // Archives sonores. Mémoires européennes du Goulag. Cercec/RFI. URL: <http://museum.gulagmemories.eu/ru/salle/marite-kontrimaite>

⁵ Интервью с Ярославом Погарским, взятое Аленом Блюмом в Переяслав-Хмельницком (Украина) 3 апреля 2009 г. в библиотеке местного педагогического университета [01:00:23–01:03:03] и 11 июля 2009 г. дома у Ярослава Погарского [00:01:50–00:06:00]. См. также: Blum A. Difficile retour // Blum A., Craveri M., Nivelon V. Déportés en URSS. Récits d'Européens au Goulag. Paris: Autrement, 2013. P. 212–227.

в Особом архиве Литвы в Вильнюсе¹. Они содержат не только документы силовых ведомств и административную документацию, которые предворяли, а потом оформляли депортацию, но и некоторые бумаги, созданные уже в ссылке (прежде всего анкеты, которые заполняли все депортированные, и списки, в которых они каждый месяц расписывались в комендатуре), а также многочисленные жалобы и прошения, которые отправляли сами ссыльные, их оставшиеся на родине члены семей, а порой и жители деревень, из которых они были депортированы. Эти письма позволяют подробно представить жизнь спецпоселенцев, а также сравнить их взгляд на собственную судьбу с точкой зрения бюрократических и репрессивных инстанций. Наконец, в архивных делах сохранились ответы властей на полученные ими заявления. Они помогают увидеть реальность изгнания и жизнь до высылки через призму надежд на разрешение вернуться и перекидывают мост между прошлым до депортации, самим изгнанием и мечтами о будущей жизни. Эмилия Кустова подробно анализирует информационный потенциал подобных материалов, собранных в архивах Литвы; Наталья Аблажей использует аналогичные источники из Армении, исследуя судьбы дашнаков. Их главы перекликаются с работами Виктории Сарновой и Всеволода Башкуева², которые смогли ознакомиться с аналогичными досье, созданными по месту ссылки, и исследовали докладные записки НКВД о разных аспектах жизни депортированных. Они упоминают многочисленные жалобы, личные бумаги (дневники или литературные сочинения), конфискованные у сосланных, и их разговоры, записанные агентами. К сожалению, в России эти бесценные и незаменимые для историка и в целом для памяти о депортациях источники самым абсурдным образом вновь засекречены и недоступны. Если Э. Кустова и Н. Аблажей описывают жизнь ссыльных в тот момент, когда у них уже возникла реальная надежда на возвращение, статьи В. Сарновой и В. Башкуева посвящены периоду, когда никаких шансов на освобождение у них не было.

Судя по всему, дела, сохранившиеся в разных архивах, содержат различный набор документов. Скажем, дела, хранящиеся в Литве, включают отдельные материалы, созданные по месту ссылки (помимо тех, что упоминались выше, это, например, свидетельства о смерти). Однако там нет никаких документов, связанных с повседневным наблюдением за депортированными, аналогичных тем, что сохранялись по месту ссылки и были описаны В. Сарновой. Дела из Армении включают только документы, созданные до депортации или уже после возвращения. Все эти дела, как те, что хранятся на родине депортированных, так и те, что сохранились в местах их ссылки, совмещают многочисленные нормативные источники и документы более персонального свойства.

Аналогичные свидетельства — заявления депортированных, пытавшихся добиться у властей разрешения вернуться назад, — можно найти в фондах Генеральной прокуратуры в Москве и прокуратур союзных республик. Так, дела, хранящиеся в архивах Москвы, заходили в тех случаях, когда Верховный суд (до того, как эта задача была возложена на республиканские суды) отвечал на заявления депортированных, которые

¹ Vilnius. Lietuvos Ypatingasis Archyvas (далее — LYA).

² См. статьи Э. Кустовой, Н.Н. Аблажей, В.В. Сарновой, В.Ю. Башкуева в наст. сб.

были осуждены Особым совещанием¹. Порой в этих делах можно найти сами заявления или жалобы и всегда — заключение чиновников первого спецотдела Министерства внутренних дел и прокурора, которые отвечали за рассмотрение жалобы, а также окончательная резолюция судебной коллегии Верховного суда. Очевидно, что сохранился не весь массив обращений, а лишь часть из тех, которые были удовлетворены.

В архивах Украины² и Литвы³ тоже есть аналогичные дела, которые возникали, когда прокуратура рассматривала жалобы на отказ в освобождении или возвращении конфискованного у депортированных имущества либо ходатайства, которые после 1953 г. направлялись в специальные комиссии, созданные для того, чтобы открыть дорогу для возвращения семей из спецпоселков.

Иногда подобные дела включают сами тексты жалоб; и в обязательном порядке в них есть протест прокурора, адресованный в Верховный суд или в соответствующую комиссию, — его краткая юридическая аргументация ясно показывает, что власти вовсе не ставили под сомнение сталинские законы, а лишь пытались их обойти, приспособить к новой ситуации или смягчить.

Первый подход, который рассматривает процессы на низовом уровне, в статьях настоящего сборника сочетается со вторым, сфокусированным на политических решениях Центра, которые спускались на республиканский и региональный уровень, а также на нормативных актах, бюрократических и судебных инстанциях, которые после 1953 г. постепенно создали новые юридические нормы, позволившие медленно, неуверенно и не без проволочек подвести черту под историей депортаций. Эти нормы, естественно, определялись в Москве, в ходе не слишком прозрачного диалога между партией и несколькими ведомствами: прежде всего министерствами внутренних дел и юстиции, а также прокуратурой. Одновременно Центр вел диалог с республиками и регионами. Колебания на самом высоком уровне⁴ привели к тому, что процесс освобождения и реабилитации депортированных был намного более медленным, чем в случае узников ГУЛАГа. Позиция региональных властей была двойственной: после того как население лагерей сократилось вдвое, они были озабочены тем, чтобы сохранить хоть какую-то подневольную рабочую силу, пусть не заключенных, а депортированных⁵. Кроме того, руководство республик, откуда проводились депортации, по ряду причин опасалось возвращения ссыльных: на Украине к страху перед новой волной вооруженного сопротивле-

¹ См., напр., многие листы в деле: Lietuvos centrinis valstybės archyvas (LCVA). Ф. R-754. Оп. 13 (секрет). Д. 550 «Переписка, в т.ч. по поводу возвращения со спецпоселения», 1955 г.

² Например: Центральний державний архів вищих органів влади та управління України (далее — ЦДАВО). Ф. 288. Оп. 11. Д. 4948.

³ См., напр.: LYA, Ф. R-754. Оп. 13. Д. 493: «Piliečių pareiškimai sugrįžimo iš speciščių mimos klausimu ir jų tyrimo medžiaga». Мы приводим всего несколько примеров. Более подробные сведения можно найти в исследованиях, реализованных с Эмилией Кустовой в рамках нашего совместного проекта в Литве, России и Украине.

⁴ См. переиздание (с новыми главами) работы, ранее вышедшей в Литве: Blum A., Koustova E. A Soviet Story — Mass Deportation, Isolation, Return // Davoliūtė V., Balkelis T. (eds.). Maps of Memory: Trauma, Identity and Exile in Deportation Memoirs from the Baltic States. European Univ. Press, 2015 (в печати).

⁵ Статья М. Эли в наст. сб.

ния, которое уже привело к стольким жертвам с обеих сторон, примешивались опасения местных властей, что возвращение сосланных, чье имущество было конфисковано, может спровоцировать конфликты с местными жителями¹. Мы не знаем, насколько такие конфликты на Украине, в Литве и в других местах были часты, — для этого не хватает локальных исследований. В итоге региональные и республиканские власти создали различные инструменты, которые позволили решить вопрос, прямо не подвергая сомнению сталинское законодательство, в рамках которого проводились депортации. Чаще всего это были комиссии, включавшие представителей Министерства внутренних дел и высоких чиновников других важнейших ведомств: Совета министров, Президиума Верховного совета и Генеральной прокуратуры.

Собранные нами исследования демонстрируют три важнейших аспекта политики возвращения. Первый из них — ее жесткая юридическая формализация. Вне зависимости от того, происходило дело в Армении или Литве, процедуры были прописаны предельно дотошно, а порядок, по которому двигались жалобы и другие прошения, не допускал никаких вольностей, за исключением разве что первой инстанции, в которую следовало обратиться. Для этого не было никакого специального ведомства, и люди писали по тем адресам, по которым привыкли жаловаться по самым разным вопросам: председателям Верховного совета или Совета министров СССР либо республики, откуда автор был родом, а также некоторым другим лицам, в данном случае — министру внутренних дел.

Второй аспект — это противостояние двух миров: депортированных, с одной стороны, и милицейской и гражданской бюрократии — с другой. Мы видим, как сталкиваются две несоизмеримые силы: всемогущий бюрократический аппарат и простые граждане, которые из последних сил отправляют новые и новые ходатайства об освобождении, возвращении их имущества или реабилитации².

Третий аспект — это централизация принятия решений, касавшихся как базовых норм, так и их практического применения. Хотя система все равно осталась централизованной, постепенно многие прерогативы были переданы на республиканский уровень. Здесь показателен пример Литвы, где уже в 1953 г. была создана комиссия, которая должна была заниматься делами крестьян, высланных как «кулаки» в ходе депортационных кампаний. Ее решения на много лет опередило постановление об освобождении всех сосланных «кулаков», принятое Советом министров СССР³. Та же самая двойственность видна на примере Армении⁴.

Память

Говоря о возвращении, мы не можем не сказать о памяти, поскольку те, кто вернулся, и те, кто остался в местах ссылки, не забывают о депортации. Их воспоминания очень востребованы в тех странах, куда они возвратились, и не вызывают никакого интереса в тех местах, куда их депортировали. Мы убедились в этом, сравнивая интервью, собранные в

¹ См. об этом статью Ю.И. Шаповала в наст. сб.

² См. ст. Э. Кустовой в наст. сб.

³ См. ст. А. Блюма в наст. сб.

⁴ См. ст. Н.Н. Аблажей в наст. сб.

ходе коллективного исследования в странах, лежащих к западу от современной России, со свидетельствами, записанными в Сибири и Казахстане. К аналогичному выводу пришла и Марта Кравери¹.

Как отмечает Александр Даниэль, память о депортациях складывалась совсем не так, как память о лагерях: литературные произведения, где бы говорилось о ссылке, крайне немногочисленны, в то время как тема ГУЛАГа непрерывно поднималась в публикациях, выходящих в СССР, в неподцензурных самиздатовских текстах, в воспоминаниях бывших узников и работах историков². Он высказывает гипотезу, что молчание литературы о ссылках парадоксальным образом связано с тем, что об опыте депортации знали все.

М. Кравери напоминает о том, что часть свидетельств о депортации отдельных групп, которая могла быть опубликована за границей, так и не была там напечатана³. Это касается, в частности, воспоминаний многочисленных польских евреев, которые, избежав нацистского истребления «благодаря» депортации в СССР, после войны почти не могли свидетельствовать о пережитом, прежде всего потому, что их опыт сталкивался с запредельной жестокостью немцев, уничтожавших евреев, оставшихся на оккупированных территориях.

Без учета памяти о депортациях невозможно понять, почему эти страны прошлого играют такую роль в истории тех регионов, откуда сосланные были родом, а также в Сибири, где на индивидуальном уровне их воспоминания не слишком востребованы, но в коллективной памяти все равно присутствуют, хотя редко звучат, осмысливаются или художественно интерпретируются. Тем не менее эта память все равно о себе заявляет. В начале 1990-х гг. она, наконец, выходит на поверхность благодаря работам нескольких историков, занявшихся этой темой. Статья Сергея Красильникова посвящена памяти о крестьянской ссылке — матрице всех последующих депортаций⁴. Его исследование опирается на два массива документов: а) 60 писем родственников крестьян, сосланных во время коллективизации, которые он получил в 1988–1989 гг. после того, как опубликовал серию статей о депортациях; б) 90 писем, которые в 1990-е гг. были отправлены ссылками в официальные органы (МВД, прокуратуру и др.) в надежде на реабилитацию. В этих письмах слышен далекий отзвук тех заявлений и жалоб, которые депортированные, стремясь добиться освобождения, писали в 1950-е гг.⁵ Работа С. Красильникова встает в один ряд с недавним исследованием, вышедшим под редакцией Михаила Рожанского. Оно посвящено письмам с семейными историями, которые в 1988–1989 гг. стали приходить в редакции многих советских газет. Трагичные судьбы их персонажей, которые раньше не могли быть поведаны, показывают, как в те годы сквозь героизированный глянец большой истории, оторванной от жизни людей, начала пробиваться правда о преступлениях сталинизма⁶. В этот период происходит спон-

¹ См. ее статью в наст. сб.

² См. ст. А.Ю. Даниэля в наст. сб.

³ См. ст. М. Кравери в наст. сб.

⁴ См. ст. С.А. Красильникова в наст. сб.

⁵ Там же.

⁶ Письма об истории и для истории / Ред. М.Я. Рожанский; Центр независимых социальных исследований и образования. Иркутск, 2014.

танное и притом востребованное обществом пробуждение индивидуальных воспоминаний — превратившись в свидетельства, они встраиваются в коллективную историю, в которой судьбы отдельных людей не растворились, а выходили на первый план.

Ирина Флиге подходит к теме депортаций с менее очевидной стороны, через историю кладбищ, где сохранились могилы депортированных. Эти захоронения или просто заброшенные участки с виднеющимися кое-где могилами, раскиданные по Сибири, северу Европейской России и другим территориям, часто не имеют официального статуса. Присутствие там депортированных выдает сам облик могил (например, форма крестов), отличающийся от захоронений местных жителей. У нас уже есть исследования захоронений, сделанные по отдельным регионам и группам спецпереселенцев, например по могилам литовцев на кладбищах в Бурятии¹. Поразительно, насколько на многих из них могилы ссыльных выделяются на фоне других захоронений. Например, над кладбищем в Хазане, недалеко от города Зима в Иркутской области, возвышаются огромные литовские кресты². Даже если память умерших ссыльных не увековечена там никаким памятником, следы их присутствия нельзя не заметить, пусть даже жители деревни и окрестных мест, говоря о кладбище, вспоминают лишь о том, как литовцы приехали туда, чтобы выкопать и забрать на родину останки ссыльных. С начала 1990-х годов правительство Литвы, а затем разные общественные организации предприняли серию подобных экспедиций на кладбища или в давно обезлюдившие места, например в устье Лены. Этот затерянный край стал символом литовских депортаций, несмотря на то, что сегодня даже кладбищенский крест не напоминает там о трагедии «ледяных детей», которых в самых невыносимых условиях депортировали за полярный круг, где многие из них погибли ужасной зимой 1942 г.³

И. Флиге обращает внимание на кажущийся странным факт, что розыски захоронений узников ГУЛАГа велись намного активнее, чем поиск могил депортированных. Кладбища заключенных еще во времена перестройки искали по всей стране, прежде всего по инициативе Мемориала и его многочисленных отделений в регионах России. Что касается захоронений ссыльных, то они стали выходить из небытия лишь с начала 1990-х гг., когда литовцы организовали серию экспедиций, чтобы репатриировать на родину останки своих соотечественников. Однако эти отдельные точки не складываются в целостную карту захоронений. В отличие от тех мест, где раньше находились лагеря или расстрельные полигоны времен «Большого террора», на кладбищах ссыльных мы редко увидим памятники. Этот контраст во многом объясняется обстоятельством

¹ Башкуев В., Разгус Б. Захоронения литовских спецпоселенцев в Республике Бурятия: Прошлое и настоящее (1948–2010) // Cogita.ru. 25 нояб. 2010 г. URL: <http://www.cogita.ru/pamyat/kultura-pamyati/vtoroi-mezhdunarodnyi-seminar-ekspertov-abzabytye-mogilybb/zahoroneniya-litovskih-spesposelencev-v-respublike-buryatiya-proshloe-i-nastoyashee-1948-2010>

² См. фото на обложке, сделанное автором предисловия.

³ Balkelis T. Ethnicity and Identity in the Memoirs of Lithuanian Children Deported to the Gulag // Davoliūtė V., Balkelis T. (eds.). *Maps of Memory...* P.46–71; Blum A., Koustova E. *A Soviet Story...*; Ирина Ашмонтайте-Гидриене. «История ледяного ребенка» // Archives sonores. Mémoires européennes du Goulag. Paris, Cercoc/RFI, 2010. URL: <http://museum.gulagmemories.eu/ru/salle/irena-ashmontaite-gidriene>

вом, которое подметил А. Даниэль: депортированные смешивались со свободными, а значит, кладбища у них были общие. Поэтому требовалось не разыскивать забытые и заброшенные места, а искать на известных захоронениях могилы ссыльных. И. Флиге также напоминает, что помимо тех мест, где лежат депортированные, добравшиеся до пункта назначения, нужно учитывать разбросанные по всей территории точки, где были брошены тела умерших в пути и где хоронили тех, кто сгинул на распределительных пунктах, так и не добравшись до места ссылки. Следует также помнить о похожих на лагеря и давно заброшенных леспромохозах — о них периодически упоминают герои наших интервью, которые до или после 1991 г. пытались отыскать останки своих отцов или матерей¹.

Позволю себе поделиться личным воспоминанием о том, как во время одной из поездок в Сибирь в поисках устных свидетельств я оказался на кладбище в Хазане, которое уже упоминалось выше. Там нет нужды в специальном мемориале — литовские кресты и так возвышаются над другими могилами. Однако для литовцев, которые остались в Сибири и не вернулись домой, это кладбище и эти кресты стали воплощением горечи и сожалений². Некоторым из тех, кто не уехал из Сибири, порой кажется, что репатриация гробов в Литву разорвала последнюю нить, связывавшую их с землей их предков.

Мы решили в этой статье остановиться лишь на двух темах: возвращении и памяти. Однако сборник включает также работы, повествующие о других аспектах истории депортаций, которой посвящен наш трехлетний исследовательский проект. Советские депортации были невиданными по масштабу и растянулись на многие годы. Это одна из важнейших страниц истории сталинизма. Населению территорий, лежавших к западу от советских границ (вне зависимости от того, были ли они аннексированы СССР), пришлось пережить и другие волны депортаций, проводившихся другими режимами. Польские власти в самом начале Второй мировой войны принудительно перемещали польских немцев³, после войны правительство Болгарии обращалось к Сталину за одобрением депортации в Турцию (которая одно время не возражала) всех тех, кого идентифицировали как турок, а чехословацкие власти проводили аналогичную политику по отношению к венгерскому меньшинству Словакии⁴. Наконец, одна из вошедших в сборник статей посвящена положению депортированных иностранцев и лиц без гражданства⁵.

Ален Блюм

¹ См., напр.: Интервью с Эйно Луупом, взятое Айги Рахи-Таммом в присутствии Жюльет Дени и Марка Фише 16 марта 2010 г. в Тартусском университете [00:54:43–00:57:39] // Archives sonores. Mémoires européennes du Goulag. Cercec/RFI, Paris.

² Напр.: Интервью с Анной Нетепчук из Никилея, взятое Эмилией Кустовой и Ларисой Салаховой 29 января 2010 г. в Никилее (Иркутская область) [00:53:56–00:55:00] // Archives sonores. Mémoires européennes du Goulag. Cercec/RFI, Paris.

³ См. ст. С.В. Кретинина в наст. сб.

⁴ См. ст. Г.П. Мурашко, С.М. Слоистова в наст. сб.

⁵ См. ст. Н.Н. Аблажей «Иностранцы, апатриды и репатрианты на спецпоселении в СССР».